Александр Петрушкин

ТЕТРАДИ 1999—2001 ГОДОВ

Александр Петрушкин

Тетради 1999—2001 годов

«Издательские решения»

Петрушкин А.

Тетради 1999—2001 годов / А. Петрушкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905611-5

Книга включает в себя все стихотворения Александра Петрушкина, записанные в 1999—2001 годах. Книга представляет собой часть поэтического проекта «Тетради», включающего в себя стихотворения, записанные с 2000 года по настоящий момент.

ISBN 978-5-44-905611-5

© Петрушкин А.
© Издательские решения

Содержание

Штрихи 6
Реквием 9
– 1 — 9
– 2 — 11
Почтарь 12
«В тишину, как в ладонь, завернувшая нас – пустота…» 14
«Толика хлеба и буква, и гвоздь …» 15
«из змеиных волос соткавшихся глубже любви…» 16
«Я буду рад встрече с вами, но на…» 17
«От изучения лингвистики импотенция нам дана…» 18
«Не позволив себе умереть от жажды…» 19
«Так, наверное, и решают с обретением счастья…» 20
«В гостиной твоей – так мало всегда вещей, что…» 21
«Продинамив ночь правой – просыпаюсь с левой…» 22
«все закоптилось: в смысле – цикл пройден…» 23
«Ты не спрашиваешь меня оттуда: что страшит меня?..» 24
«Время – флешем назад – время возврата…» 25
«На пятой строфе почтовой езды…» 26
«в двенадцатом часу паскудной скверны…» 27
«гул улыбчивой орды рты разевает…» 28
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Тетради 1999—2001 годов

Александр Петрушкин

© Александр Петрушкин, 2018

ISBN 978-5-4490-5611-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Штрихи

О.Ч.

– 1-

пепельница на Бодлере

степень судорог не зависит

женщина плачет вагиной
и отражает (мает) 4 дня из луны

кто кипятком первым брызнет
любишь не зная
не любишь

оса глаза выпивает

шмель альбинос или финский
тореадор презентаций
Калевала
выцвела
память
ниже
чем пояс
верность
имя из прошлого

ты же бесстыже
разуешь окна радуя дерн

или

запах укола
акаций

знаю что умираю
поскольку теряю слово

– 2-

апрель апрель
черные воды пруда
психи собираются в стаи
чтоб улететь на Юг
делать нечего нам

садись и покурим
садись ко мне на колени
прокуренный пропитый друг

апрель апрель
вода струею холодной
на коже гусиная лапка
свой оставляет след
черные силы – апрель
совокупились друг с другом
и потеряли надежду
выйти после на свет

– 3-
тронь меня
я законченный
книги аналог

кайф от вздернутых
носиков
чайников
и гашиша

истончается кожа
нетвердая
поступь лажа
нот протеста спаржа
мертвых книга
заржавеет
протух-
нет

не скажет

– 3-
вот ты и стала мифом
истаяла в слове
слои облаков
лакированы
черноглазой рябины плоды
смотрят насквозь
намечая линию
полустертой
тропы до храма
хромающего
во тьме хрома
бес конечности
нашей тины

– 4-
ты питалась поэтом
лишенным последних возможностей попыток
исчезнуть как вид вымирающий
множу религии реликт неясностей
стройный
плавает рыбой в слоях отравленной ветром
воды ладонь вырастает в зрачках
рептилий
нефрит
выбрала

это все

Реквием

This is the way the world ends
Not with a bang but a whimper

T.S.Eliot., The Hollow Men

От большого ума – лишь сума, да тюрьма.
От лихой головы – лишь канавы и рвы.
От красивой души – только струпья и вши.
От вселеннской любви – только морды в крови

*Я.С.Дягилева., **

– 1 —

так приходит конец на любой остановке пути
ты случайно оглянешься чье-то лицо – позади
но в упор – растреляет на пух образа
завтра (прикрой мне веки) утром гроза
пятиладовый фарс ненамерен кастетом в висок
что случится не жаль – путь недолог однако высок
все наощупь впотьмах мимо четко сомкнутых плеч
расплевалась с чертями забыв лицо мое речь

видишь зришь не видишь зряшно говори
пряником дорожным в пол-груди
засевает небо бог-иконоспас
ржавыми подарками окриками фас
пряником дорожным в пол-грязи
выплывется сможется ты ползи

наплевав поплевав в потолок остановишься раз
два откликнешься три оклемаешься это беда
но обиды забудутся сбудется пьяная ссора нора
приокроется скрипнет щеколда дверная вода
ты смотри мы на смотре параде великих блядей
тоже делаем па но пока неподвижно несмело
и когда мы подохнем то точно пребудем светлей
тех кто спит если дождь сумеет добраться до костного мела

половина пути из котомки такой поворот всех событий
ключи растерялись злосчастьем в карманах

и позлобствует карлик и впишет нас в свой анекдот
и мы будем расти и растить свой единственный меч на оралах

ель застонет мылом мыло стынет плотью
по веревочке нехитрой по печной трубе
каменеет воздух придорожной дробью
растеклась душа слюною по губе
севернее глаза – вытянули руки
для улыбки повод под ребром у суки

– 2 —

так кончаются звуки так чернеют глаза
и берут на поруки и плюют в образа
так уходят из дома в пьяном мраке ночи
и боятся облома из пращи кирпичи
обряжая осколки недоломанных рук
ищем новой дороги по слезе от разлук
замордованный страхом (парафи) новый быт
прокатиться бы небом да ангел горчит
на кресте до могилы по погосту до бога
гарью светлой и чистой шлет порог до порока
по мультяшной стране где у правды лишь две
недалеких страницы за боль в голове
расплатившись червонцем крысиный упырь
засевает хлеб чтобы снять вновь чифир
вольно болью дышать но задвинет кастет
перехватит на «хватит» твое скользко «нет»
из теней паутины в уфалейскую гать
я надеюсь что им нас уже не собрать
так кончается доза а прозы голяк
не излечит чахоточный круп вновь в-просак
так кончается песня и камешек вниз
покатился мимо увлажненных ресниц
точит камень точка в последней строке
мама вымыла раму верой в каждом курке
так кончаемся мы в окончание тьмы
в пограничной зоне коверкая сны
на излом на излет догорающий стон
упрежденных детей осчастливит аборт

Почтарь

Детскую слезу смоленную испить соленым облаком, белым молоком —
нитью черной лить, шить, прошивать и спрашивать: сколько еще блокпостов на кастета пути?
Для спасенья – кисет. Все пусты языки. Небо выкормить пустотой – с руки,
и поставить имя небес себе на худое плечо.

От себя отпустить все грехи-кости-семячки – авось прорастет, выбьется – в грязь —
не смотри на меня, растеряв глаза – не умею держать я на привязи радугу,
и причудлива слова нетвердого с венами связь:
смерть развяжется – жизнь посеется. Примем ли воды желтой вязи пагубу?

Нежелавшие жало свое путить в рост и иголок мундир на дыру примерять,
пока падает слипшийся дым кувырком, как отжившее семя к весне,
постоим за квадратные метры без окон-дверей-и-железа жилья:
если стало здесь душно – значит, все остальное – верней.

Что сгорело – не пепел. Не пел – загулял по ножу опустевшего к ночи метро,
опускаясь к больной сердцевине зарешеченных глаз одичавших вагонов. Нами
плачет, кто платит по высшему слову, нами платит, кто плачет по верному счету Нави.
Нави воют сирены, вьют нам тело метели, смотрят, смотрят ведром —
Что не видно?! что небо сжатое в записи мелом, прозрачные члены —
попытавщись поверить – свернуло себя в суицид.

Это право оправить дела. Не по праву – по нраву —
оставаться одним и остывшею коркой хрустеть
шаг по шагу, к озимому солнцу оседлости нашей,
а седло – это та же рука в пустой кобуре.

В общем, все хорошо – пока ты говоришь. В рукопашной —
Почтальон письма сжег. За лицами не заржавело,
но рыжие рожи из лужи за небо летят:
за небом – холодное небо и тела медяк,
которым заплатим за свой ненормальный парад.

«В тишину, как в ладонь, завернувшая нас – пустота…»

В тишину, как в ладонь, завернувшая нас – пустота
вылетает в трубу. У рта
малосильного нет иной работы,
чем сплевать себя на пол. За тенью – моты
покидают аншлаг свой, вехи
заносятся на бумагу, как ее прорехи —
незаметны до времени, что вращенье
сократило в пещерного роя «аз отмщенье»
и кресты на Сократе и выдох «Рано…
вырезать ниже пупа глиссандо,
бегать по краю песка и травы, и смерти,
готовой отвечать на вопрос «будешь третьим?» —
рентгеном». В городе – пустота… только люди
и, как опухоль, прием бутылок – кто удит

живых, кто мертвых, но сдачи
нам всегда хватает лишь на то, что оплачем
однажды в кабаке – то ли с похмелья, то ли от скуки —
уже не кобеля, но еще не суки
в холодных беретах, с зонтами наперевес —
испившая нас вода прибавляет вес
каждому слову или это хрип крана,
укушенного под Ватерлоо. Охрана
молчанья негромче ее обертки:
малыш бежит дома – вернее, порки.

«Толика хлеба и буква, и гвоздь …»

Толика хлеба и буква, и гвоздь —
Из мистерий похожа на жизнь только смерть.
Если вервь не равна и ни каждому – твердь
непохожа на тело и глину. Поверь:
пропадешь ни за что ни в какой тридесятой земле,
ни в каком языке, ни с какой из подруг:
между пальцев – как клякса – кокаиновый жгут
или шприц, или блуд – тараканинский шут…

И не выбрал бы имя – но время давно по устам,
да и дно проржавело и сгнило белье,
и весна ковыляет по стертым местам,
призывая святых на позор и на…
Все!

«из змеиных волос соткавшихся глубже любви…»

из змеиных волос соткавшихся глубже любви
или плеч или практики северных вууду ответа
не сказать что и значит не надо в смысле порви
на чужой алфавит ожидание черного света
только в квелой зиме ненадежен искомый вопрос
мы не справимся с кожей стальною иглою апреля
кабаки все крест накрест чтоб остальное всерьез
для отъездов улыбка и передоза для тела
а для грязи моей не сумевшей замолвить спаси
от чужих то щедрот отмывать золотые виски
а холодные пальцы отмерят мерцанием плоть
и безумием верным февральским блажливы пески
отчего бы любовь не наречь своим именем но
в опостыльнейшей схеме сигнал не проходит сквозь руки
значит снова стебаться или бежать за вином
или гнать на пургу и пургу и от черной докуки
хорониться в углах и столах с осторожной невестой
в воронках и воронах в окрошенных тьмой кирпичах
в ожидании памяти смысла или охлеста
из окрестного повода что прозвонил нам в ключах
водяных как игра из предутренней белой росы
из последнего и не сужденного как влажный воздух
от сегодня до завтра не будет до завтра зимы
как глагола без голоса – тонкая озимь и остук

«Я буду рад встрече с вами, но на…»

Я буду рад встрече с вами, но на
этой кухне от Америки – песок и соль,
разъедающие мясо времени, гладь стола,
благодарность с О`К на конце – боль,
значит ближе хаосу слов любви.
Кровь – вежливость. Лицо – промежность. От дыр
мы напомним в конце путей собеседника сыр.
Я буду рад познакомиться с вами и
набормотать себе улицу с полисменами, докерами, Вас
или ряд пустот, попутав «спи» и «пли»,
как старый лис – от огней – глаз
слепо щурить. Свой – вдали,
от близости плеч – в той минуте – чужак
(стало быть, чует мышь – из каких щелей – дым,
слышит: до новой встречи немеет шаг
и поминает себя временем, то есть – пустым).

«От изучения лингвистики импотенция нам дана…»

От изучения лингвистики импотенция нам дана.
Нищие в знании языков – способнее под одеялом —
это не аксиома, не истина, но интонация жизни – она
обязывает автора к оплате по полной. В малом
упустив возможность, мы остынем на берегах Сибири —
поскольку горы – берег леса, хворь, сплин
минующего до тихого – в скорой коробке – мили,
за которые жаль то ли гривну, то ли алтын.
Вот тогда, как осадок, чужое наречье, акценты,
но не – память на слово, черника буквы, туман
или порнуха в жестком, то что новом свете
подано на вчера – съедено – книги и дети. Обман
мы будем нежить, пока в Броуне не столкнемся, то есть
до конца вялых тел, разбросанных: по бумаге —
на дюймы, по частному времени – на подлость,
и – извини – ИКС знает на сколько – в ночной нашей влаге.

«Не позволив себе умереть от жажды…»

Не позволив себе умереть от жажды,
мы научились жить, что однажды
нам позволит присесть на иглу или
лечь в постель с нежеланным. Мы забыли,
как учились забвенью, играя в кости
над чужой могилой, поганой злости

не имея в активе и сленг о разном
размешав с портовым вином. Заразно
поминать чертей, а иначе проще —
это значит скучнее (в значении – площе).
Только я – не сторонник дрянной идеи,
что садовник когда-нибудь нас нагреет —

это значит, что мне отвечать не надо
за вас, как евнуху, что помада
на губах моих – только знак отличья
от хозяйки ея, что все неприличья
ситуации нашей увидит пастор, а
не я, что воскликнув «Fast!», я

не пожалею ни о грядущем,
ни об ушедшем, что в минувшем
не оставлю себя и вас
– на волоске, что ослепший глаз
мог сохранять память пространству,
но предпочел предаваться пьянству.

«Так, наверное, и решают с обретением счастья…»

Так, наверное, и решают с обретением счастья:
фанатики – в Мекку, в Ершалаим. Прочие
– к мягким рукам и теплым телам ластясь,
обрящут все то, что первые опорочили.
Время – открыто всем входящим,
но мне – несвойственна вера слову:
то ли от того, что – видел – змеи плачут,
то ли от того, что ознобу
ветер лишь добавляет в этой
пустыне, из которой
два выхода: первый – с белой
горячкой, а тот, что второй – с Торой.
Так точно, мой женораль, нас завершит омега,
устав от русского английского. Телега,
когда мы будем падать на Этну снегом,
отскрипит по закону свободу от бега.

«В гостиной твоей – так мало всегда вещей, что…»

В гостиной твоей – так мало всегда вещей, что
любой из припавших к тебе – ее понимал, как матч
футбольный: то кричался с эхом, то
озирался в поиске зрителя (соперника). Мяч
жмурился в словах и артиклях раннего утра. Тлен —
вечерний спич перезабытых гостями вещей,
но упрямства у времени, как у муллы – только крен
за грядущее время стал зримее и прочней.
Тонкая золотинка у твоей руки
отныне отдана зною Невады, whist костей
гостиной – все, что от нас. Трухи
посреди – свободное место для лопастей
картавой птицы, рухнувшей тебя туда,
где пускают корни сквозь деревянный газ.
От такого опыта и передозов – крысы дохнут, вода
кончается у самолетных касс.

«Продинамив ночь правой – просыпаюсь с левой…»

Продинамив ночь правой – просыпаюсь с левой
женщиной под рукой – далее стыдно, см. невозможно
(совесть – опрокинутая, чтобы гадать на кофейной —
гуще в своем окончании) шептаться. Обложно
обвиненье твое, мой друг – но не чаще
снега в ящик мой попадают твои письма,
отчего мне случается страшно – тащит
от страха в постель мудила всякую п (р) опадью. Афоризма,
вероятно, глупа – но, скорей, отвратительна. Что же (!) —
я устал от грамматики и умных, коих уйма
в этом нештатном городе – брошен.
Как чинарик. Милая, где здесь урна? —
Вероятно – я. Эта
констатация ведет в экс-таз. Сигарета —
в почтовый гроб, куда не приходят обрывки
мыслей твоих неназначенных к читке.

«все закоптилось: в смысле – цикл пройден…»

все закоптилось: в смысле – цикл пройден
твои месячные опали тебя как дерево климакс
мы научились чужой речи и джозефа оден
знакомый серый камень призрак фикус
стоит в углу или как кардинал
наблюдает за воском равнодушно свою чечетку
отбивает насекомое лапками как финал
стекла на этой линии четкой
я стоял и теперь не стою – отпели
отыграли отстояли и день независимых – финкой в июле
крыльями под ссохшейся кожей теряя перья
пчелы зимою не закрывают улей
природа все та же но видимо мы изменились
изменили себе ему ей неодушевленным предметам
может быть это края разбились
пока мы падали вместе с ними но по приметам
это свет и он не такой уж новый Парки
успели сморщиться и оказаться голыми бабами
слав (а/я) бо (га/гу) без весел английские парки
мне видятся как семейные соты то есть разумная глупость
и гости уходят бренчат мышцами их волчата
подрастают чтоб стать осторожней и обрести скупость
на безумие и первыми сожрать брата

«Ты не спрашиваешь меня оттуда: что страшит меня?..»

Ты не спрашиваешь меня оттуда: что страшит меня?
– многое (не отвечаю):
неопределенность дистанций и дети, даты,
стакан чаю
цвета свежей мочи
и крики чаек,
что воронами на окрестных
помоях сипят, гаек
округлость, выражения…
вроде дальше —
нет смысла…
список, чем толще, тем фальши
привкус сильней,
но тело —
в сердцевине зимы —
кусок мела.
И от этой другой причины
можно вдарить
по щеке или стопке.
Вероятно, растаять
нам не даст
реестр обязательств перед
собой, деревянный матрас
пожалеет
чудовищ кухонных
и на понт
пролепечет свидание
face of face. Зонт
обречен на еще два
года пить это небо и пойло…
Права
ты – я не смогу.
Coda.
Пятое февраля. Погода.

«Время – флешем назад – время возврата…»

Время – флешем назад – время возврата
отработанных гормонов половых желез.
Мы не смогли, не «увы», не раздвинуть квадрата
мертвого времени тканей. Стук колес —
аритмичен, дыхание – смято и смыто
до черной эмали, заполнившей рыжий глаз,
подростковых лобков и губ местность обрита
и повествует о девственной совести газ.
Время разрушить мир – тьмой рычащий —
заголовки вкусил, желая войти в эндшпиль
или покинуть половину себя: я – то ли просящий,
то ли пропащий, потому что знаю штиль
соответствует стилю, ответствует поколенью,
букве, прочему, что мне – откровенно – до буя,
до подворотной фени, до заворотного зелья
моего слабого ныне и беспотентного хуя.

«На пятой строфе почтовой езды…»

На пятой строфе почтовой езды
я смог просечь, что мне до пизды
география звуков, что мне важней
с кем встречу мрак: с одиночеством? с ней?
И сколько не щебечи – одиночество – это пол
противоположный по знакам отличий, гол —
это боль в низах живота. Я не против смены отчизн,
если, соседняя с этой, дверь – онанизм.
Все выходит, как прах слепленный второпях:
дамы шепчут «ах» – из глины, что на сносях,
писк и смазка, девять месяцев стеба.
Отжив свое от случки и до заеба,
отрыдав своим семенем честным стихи,
получал, как урок интернета, «not hear»
путал, как олух, по слуху – лед и глаза,
но чувствовал: это правильно – когда под хвостом вожжа.

«в двенадцатом часу паскудной скверны…»

в двенадцатом часу паскудной скверны
оставленный один – и без америк —
окно – открытый в январе мной берег
нас ожидает чтоб облечь в себя
мы суицид любви вершили без истерик
вертели шилом прошивая иней
пускали корабли в прозрачных венах
в неспрошенные льды где огрубев
мы нежность растворили в междуречных
кавернах и пробирках с алкоголем
и губы с треском золотили сперму
и обручились жаждою истек
срок гиблых рек а руки не сумели
не захотели по любви стереть нас
песком прибрежным только из америк
не возвратился к воздуху никто

«гул улыбчивой орды рты разевает…»

гул улыбчивой орды рты разевает

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.